

Lyolya N. Tugova,
PhD, associate professor,
Karachaevo-Cherkessk State University n.a. UD Aliev

The Abazin Poem of the 1920th – the 1980-th Years - Typology and Regularities of Development

Keywords: Abazin, Abkhaz-Adyghe, genetically close, genre, genre and style, regularity, composition, metrics, rhythmic, poem, typology, folklore, epos.

Annotation: This article is devoted to topical issues of the Abazin literary criticism – to research of formation of a genre of the poem and versification. In article the analysis of process of emergence and poem development in the Abazin literature in a context of the Abkhaz-Adyghe literatures is given; genesis and poetics of genre kinds of the poem; role of folklore traditions in formation of the literary poem; value of experience of esthetically mature literatures in formation of the new written poem; state and prospects of development of a genre of the poem in the Abazin literature.

Поэма в абазинской литературе, как, впрочем, и в генетически близких к ней абхазской, адыгейской, кабардинской и черкесской литературах, занимает одно из ведущих мест. И это не случайно: она опирается на мощные эпические традиции, сложившиеся в устном народном творчестве. Становление жанра поэмы в абазинской литературе, как и во всех новописьменных, прошло длительный и сложный путь эволюции – от фольклорных форм мышления "с его монументальностью, не расчлененностью"(5, p.25), от поэтики устно-поэтического творчества к современной художественной культуре.

Генезис и эволюция жанра поэмы во всех новописьменных литературах абхазо-адыгских народов неотделимы от эпических жанров фольклора. Их эстетика, поэтика, их жанровые особенности послужили ориентиром для молодых поэтов при создании индивидуальных литературных поэм. В северокавказской литературе очень сильны традиции нартского эпоса, исторических и иных песен, легенд, преданий, в которых необычайно силен эпический компонент. Ведь в традиционных эпических жанрах фольклора, подобно современной поэме, повествуется о судьбах народа, его историческом и нравственном бытии.

Л.А. Бекизова на материале адыгского фольклора приходит к выводу: "Фольклор не склонен к абстракциям. И в адыгском эпосе действия героя носят сугубо конкретный, целеустремленный характер и, как правило, имеют достаточно определенную социальную окраску. В основе сюжета, обычно - один эпизод их жизни героя; как правило, этот эпизод полно и детально разработан. Активность героя выражается обычно в конкретном действии..."(3, p.17). Это подтверждается многочисленными поэмами, появившимися в 1920-1940-е годы в абазинской и других

новописьменных литературах: "Сосруко и Сотраш", "Сосруко и Сосранпа", "Сосруко и шестеро мужчин", "Ктым, Ктыщ, Какана", "Дадыра и сто семей" Т. Табулова, "Дева гор" С. Чанба, "Шаризан", "Даур" Л. Квициниа, "Охотник Хмыч", "Навей и Мзауч", "Абатаа Беслан", "Зосхан Ачба и сыновья Жанаа Беслана" И. Когониа, "Восстание бжедугов", "Мафоко Урусбий" Ц. Теучежа, "Заячья тризна" И.Цея и мн.др.

Развитие жанра поэмы в абазинской литературе, по-существу, начинается с реализации эпических фольклорных традиций и эволюции жанра поэмы в русской, советской литературе.

В своем развитии абазинская поэма видоизменялась и содержательно, и эстетически. Эти изменения обусловлены особенностями эпохи, творческой индивидуальностью поэта, поступательным движением литературы, все больше мобилизующей потенциальные внутренние возможности национальных художественных традиций, в том числе и накопленных в письменной литературе, философскими и нравственными взглядами времени, степенью усвоения иноязычного художественного опыта и многими другими фактами.

Первым поэтам "возвышенное, героическое, эпически величавое в поступках людей и событиях удавалось больше, нежели кропотливый психологический анализ характеров в их зарождении, становлении, во взаимной борьбе и скрытых столкновениях"(5, р.35).

Поэмы, в основе которых – фольклор, даже этнически близких или родственных, при несомненной типологической близости, значительно отличаются друг от друга и по содержанию, и по национально-образной структуре, и по степени близости и отдаленности от фольклорного "прототипа" в зависимости от особенностей исторической памяти, уклада жизни и психологии народа, от творческой индивидуальности поэта, от художественных задач, которые он ставит перед собой, и от множества других, более мелких или привходящих моментов. Но неизменным остается одно: все авторы следуют эстетическим законам устного народного творчества, в котором эпическое преобладает над субъективным, где герой – не отдельный индивид со своим внутренним миром, а персонаж, выражающий общенародное чувство. В соответствии с этим и «подбираются» и изобразительно-выразительные средства, долженствующие представлять нерасчлененную целостность, а нерасщепленность человеческой индивидуальности, не существующей отдельно от общего – подчеркивать преобладание рационального над чувством. Иными словами, это – поэзия объективная, но не субъективная.

Однако сквозь целостность, нерасчлененность фольклорного мышления у наиболее талантливых поэтов начинают прорастать элементы субъективно-индивидуального, так необходимого для возникновения, а затем и формирования лирического начала в поэме, следовательно, и формирования лирического эпоса: активное участие в развитии сюжета поэта-повествователя, нравственного судьи персонажей и событий, выработка индивидуального стиля, включающего в себя авторские детали, сравнения, развернутые описания быта и природы, социальных отношений в обществе, географических и иноязычных реалий, свободное обращение со сказочными сюжетами, мотивами, образами, идиоматикой и фразеологией, с так

называемыми типическими и общими местами, портретные характеристики, реалистические детали, подробную разработку отдельных эпизодов и т.д.

Тенденция «накопления лиризма» в эпической поэме будет усиливаться по мере обретения литературой эстетической зрелости. Как справедливо указывает А.И.Алиева, когда литература вступила в пору зрелости, «отношение писателей к фольклорной традиции выражалось в глубоком переосмыслении ее, творческом и органическом решении высоких задач, стоящих перед ... литературой»(1, р.214). Абазинская литература начинает вступление в пору зрелости со второй половины 1950-х годов, а пора эстетического возмужания приходится на 1960-1970-е годы. В эти годы появляется значительное количество эпических произведений, в том числе и «фольклорного происхождения». Таковы поэмы П. Цекова «Сказание об одной скале», «Об одном происшествии на берегах Кубани», К. Джегутанова «Батырпа», Ш. Физикова «Кинжал и ножницы», «Близнецы», Д. Лагучева «Хирчача», «Минат, дочь Кыны», М. Чикатуева «Фатимат и Гурбий», «Кайдух», «Два абрека» и т.д. и т.п.

Названные произведения – в орбите фольклорной стихии, но подход к конкретной интерпретации фольклорных сюжетов, образов, идей – индивидуально-творческий. Одни поэты перелагают конкретный фольклорный сюжет, другие – создают оригинальные произведения по фольклорным мотивам, третьи – прибегают к стилизации под фольклор, четвертые – состыковывают фольклорный и исторический материалы... Одни создают локальные произведения, другие – широкое эпическое полотно... Но всех объединяет одно: усиление индивидуально-лирического начала, выработка собственного поэтического почерка, опирающегося на многовековые национальные художественные традиции, на органически усвоенный и творчески адаптированный иноязычный опыт, на индивидуальное видение действительности и его воспроизведения личностными языковыми средствами. Все это прокладывает пути к созданию индивидуальных характеров, к психологической разработке образов...

Иной тип сюжетно-повествовательной поэмы представлен произведениями, написанными на темы современности: "Рождения счастья" М. Малхозова, "Сухая балка цветет", "Подвиг комсомольца" П. Цекова, "В родной семье", "Три дерева" Б. Тхайцухова, "Пролетарий", "Ткварчелстрой", "Голоса миллионов", "Слушайте!" Л. Квициния, "Будь бдительным!", "Песнь счастливых" М. Паранука, "Голос Ткварчели" Л. Лабахуа, "Невеста", "Кинжал" Ш. Пвижба, "Юбилейная" А. Ласуриа, "После большой битвы", "Люди передового колхоза" Х. Гашокова, "Земля молодости" А. Кешокова, "Крылатая сестра" Х. Беретаря; "Старший брат" И. Машбаша, "Мои земляки" Б.Шинкубы, "Возвращение Рашида" И. Табулова "Осень в деревне" Д.Гулиа и десятки других. Они написаны и созданы в разные годы (с 1920-х до 1970-х годов), в основе сюжета - социалистическое строительство, борьба с так называемыми пережитками прошлого, Великая Отечественная война, восстановление народного хозяйства, жизнь и быт народа, борьба за мир и т.д. Среди них немало высокохудожественных произведений, но ведущим аккордом их поэтики следует признать публицистичность, столь характерная для фольклора. Их нередко называют лирико-публицистическими поэмами, и это справедливо. Художественный уровень многих из них не выдерживает тяжести первого компонента (определения "лирико").

Многие из них – сплошь декларативны, обобщены, лексически обезличены. Поэмы, принадлежащие перу наиболее одаренных поэтов, действительно, отмечены весомой лиричностью. Среди них есть и истинные лиро-эпические поэмы. Эта лиричность, при сохранении эпического содержания, лиричность, накопленная в сюжетно-повествовательной поэме, явилась прочным фундаментом формирования лиро-эпической и лирической поэмы, эстетическая зрелость которой пришлась на 70-е годы XX столетия.

Качественно новым этапом в развитии новописьменных литератур, в том числе и абазинской стали 1960-1970-е годы. Именно в эти годы сложились поэзия и проза, достигающие художественного уровня литератур с многовековыми реалистическими и эстетическими традициями, оформился творческий почерк ведущих поэтов и прозаиков, освоивших сложное искусство литературного мастерства. В этом важнейшую роль играет сильная творческая индивидуальность. "Значение яркой творческой индивидуальности в молодых литературах тем более велико, что крупный художник слова... способен освоить эстетический опыт современности, воплотить свои художественные искания в новые для молодой литературы жанры. Тем самым он стимулирует развитие молодой литературы ... поднимая национальную литературу на новую, более высокую ступень художественного развития"(2, р.27).

В поэмах Б. Тхайцухова "Вей, ветер!", "Слово о земле", "Камни", Д. Лагучева "Два пути", "Поэма о матери", М. Чикатуева "Человек и Тысячелетье", "Песня", "Под стожарами", "Разговор-планет", в цикле маленьких поэм того же автора, вошедших в сборник "Абазинские всадники", К. Мхце "На поле Курском", "Воспоминания", М. Тлябичевой "Благословляю мир", как и в лучших поэмах абхазских, адыгейских, кабардинских и черкесских поэтов, лирические отступления превратились в лирическое наступление: автор, со своими размышлениями, оценками событий и героев выдвинулся на передний план произведения, стал одним из главных или единственным героем произведения. В эти годы явственно проявляются новые тенденции в развитии абазинской поэмы. Едва ли не ведущие позиции в ней начинает завоевывать индивидуально-субъективное начало.

Пик развития жанра поэмы приходится на 1960-1980-е годы. Современная абазинская поэма многообразна по своей художественной и жанровой форме. Она не всегда тождественна классической поэме в европейских и русской литературах, отмечена печатью национального своеобразия как в жанровом, так и в структурном отношении, в образности и ритмической организации стиха.

Жанровые дефиниции поэмы 1960-1980-х годов стали необыкновенно разветвленными. Произошел, скажем так, перекося акцента со слова «эпический» (родовой признак поэмы) на слово «поэма». То есть сам жанр поэмы уже не укладывается в рамки эпика, все большее пространство захватывает в ней, поэме, лирика, порою втягивая в свою орбиту все художественное пространство. Так происходит лиризация эпоса, вернее одного из его жанров – поэмы, доходя до рождения лирической поэмы. В этом процессе явственны два диалектически взаимосвязанных явления. Наряду с обретениями дали о себе знать и потери. Увеличение доли лирики создает благоприятные условия для выражения авторской

позиции, стимулируя известную тенденцию (в позитивном смысле) произведения. В то же время «перебор» провоцирует размывание эпической природы жанра. Поэтому в наше время немало поэм мозаичных, состоящих из отдельных фрагментов, внутренне плохо составленных или вовсе не составленных. Последнее нередко приводит к тому, что художественное единство произведения теряется, ведя к статичности сюжета и бездействию героя. В результате – поэмами стали называться непомерно растянутые лирические излияния. Но это все же крайности. Ведущим направлением развития современной абазинской поэмы следует признать формирование лирического эпоса. И наибольшие успехи достигнуты на этом направлении. Эпос этот обычно о человеке и народе, о судьбах мира и людей мира, об истории и индивиде. Эпическое содержание становится глубоким внутренним качеством современной поэмы, а не сюжетно-событийным оформлением этой эпичности (маленькие поэмы М. Чикатуева, «Вей, Ветер!», «Камни», «Слово о Земле» Б. Тхайцухова, «Воспоминания» К. Мхце, «Моя мать» Д. Лагучева, «Благославляю мир» М. Тлябичевой). Другими словами, необыкновенно усилилась субъективность... Притом, такая субъективность, как говорил В.Г.Белинский, разбирая "Мертвые души" Н.В.Гоголя, которая не искажает объективную действительность, а "обнаруживает в художнике человека с горячим сердцем, симпатичного душою и духовно - личною самостию ...которая не допускает его с апатическим равнодушием быть чуждым миру, им рисуемому, но заставляет его проводить через душу живую явления внешнего мира, а через то и в них вдыхать душу живую..."(4, р.172).

"История советской многонациональной литературы" отмечает как одну из наиболее существенных типологических черт литературного процесса 1960-1970-х годов резкий качественный рост национальных литератур. Материальное выражение этого резкого качественного роста видится в появлении в каждой национальной литературе целого ряда первоклассных писателей, в огромном разнообразии жанровых форм, в освоении современных принципов психологического анализа, в переосмыслении фольклора, в усвоении мирового художественного опыта. И абазинская литература подтверждает этот вывод.

Безусловно, в абазинской литературе, как и в любой другой национальной литературе мира, немало слабых или несостоятельных в художественном отношении произведений... Такие произведения, как правило, декларируют общеизвестные истины, язык их – нейтральный, с обильным использованием газетных и иных штампов, изобразительно-выразительные средства традиционны, не отмечены авторской самостийностью. А главная беда (даже и многих не плохих произведений) в том, что авторы из реалий бытия народа не могут извлечь содержащийся в них общечеловеческий смысл.

У каждого абазинского поэта свой голос, свое видение мира, свои краски. Так П. Цеков, К. Джегутанов, Д. Лагучев больше тяготеют к так называемой гражданской лирике, сильная сторона их творчества – лирическая публицистичность, если позволительно так выразиться; Б. Тхайцухов ориентирован на глобальную тематику, на крупные символы-образы, на ассоциативность мышления; М. Чикатуев - на образность, рождающуюся на сплаве национальных художественных традиций, опыта русской

литературы, яркой поэтической индивидуальности; он неистощимо изобретателен в использовании потенциальных внутренних возможностей родного языка, в создании неологизмов в строгом соответствии со словообразовательными правилами родного языка и поэтому естественно входящими в общенациональный язык; он - новатор в обогащении акустических и фонетических возможностей абазинской речи и т.д. К. Мхце более "спокоен", поэзия его развивается в традициях пушкинской простоты, но обладает громадной внутренней силой;

М. Тлябичева выражается открыто эмоционально.

Абазинская поэзия сегодня – это сложившаяся идейно-художественная система, решающая значительные идейно-эстетические задачи. В этом ее главное достижение.

Освещая вопросы, связанные со становлением и развитием жанра поэмы в абазинской литературе, невозможно обойти вниманием вопрос стихосложения, в частности, метрики, ритмики и композиции, т.к. имеет прямое отношение к теме нашего разговора.

В наши дни абазинская поэма, как и всякая поэзия в лучших ее образцах, принадлежавших перу Б. Тхайцухова, М. Чикатуева, Д. Лагучева, М. Тлябичевой, К. Мхце, достигла гармоничной ясности и пластичности поэтического языка и стиля. К этому она шла долгими и трудными путями. Потребовались усилия не одного поколения литераторов, где решающую роль сыграли выдающиеся представители национальной литературы (М.Чикатуев,Б.Тхайцухов, К. Мхце.)

Проблему в значительной мере может восполнить исследование абхазского стиховеда В.Л. Цвинариа. Выводы ученого могут быть отнесены с незначительными оговорками, и к абазинскому стихосложению.

Известно, что система стихосложения тесно связана с просодическими особенностями языка.

Исконными гласными абазинского языка, как и всех абхазо-адыгских языков являются *a* и *ы*. При этом *a* – более узкого образования и протяжности, нежели в ряде других языков, а – *ы* – звук иррациональный и происходит на основе редукций, а другие гласные – дифтонгического происхождения или заимствованные.

Таким образом, абазинский язык беден гласными и чрезвычайно богат согласными звуками. Это может расцениваться как недостаток языка. Но как говорил Эдуард Сепир, "недостатки языка в общем компенсируются его достоинствами"(6, р.177).Одно из достоинств абазинской речи (как и всех абхазо-адыгских языков) состоит в том, что она (речь), в силу особенностей ударения, создает богатейшее ритмическое многообразие.

Абазинское ударение, как и абхазское, – подвижное, нефиксированное. "Именно эта его удивительная способность создает (в сочетании с редупликацией гласных Л.Т.) в абхазской речи (и абазинской - Л.Т.) бесконечную основу для образования ритмического многообразия",– пишет В.Л. Цвинариа (7, р.44).

Ударение определяет основу ритмической организации абазинского стиха, тем более, что абазинской народной поэзии (за редкими исключениями), как и многих народов мира, не свойственна концевая рифма. Ее функции выполняют звуковые элементы речи - аллитерация, ассонансы, диссонансы.

Абазинские поэты в начальный период развития литературы заимствовали основные художественные формы из устного народного творчества.

Это выразилось не только в использовании образов и сюжетов, но и ритмических форм поэзии фольклора. В стихах и поэмах 1920-1930-х годов, а порою и 1950-х годов регулятором ритма выступает относительно одинаковое количество ударений в строке, независимо от количества слогов. Если оставить в стороне частности, абазинский стих на ранних этапах своего развития – динамический (ударный) стих. Чисто классические ритмические формы, т.е. так называемые силлабо-тонические размеры в целом, еще практически неизвестны абазинским поэтам, хотя и встречаются их редкие образцы (например, стихи Т. Табулова 1950-х годов "Пионерская песня", "Наши женщины" и некоторые другие). Произведения, подражавшие ранней пролетарской поэзии (в многочисленных стихах и ряде поэм о социалистическом строительстве, о борьбе за мир) почти не используют такие звуковые элементы речи, как аллитерация, ассонансы, диссонансы. Иные из них – за пределами стихового искусства: ни ритма, ни рифмы (в любых ее формах), ни элементарной образности, а просто строчки, расположенные одна за другой.

Факты абазинской литературы полностью подтверждают вывод, к которому приходит В.Л. Цвинариана в материале абхазской литературы: "... Долго питаться устойчивыми, относительно замкнутыми в себе художественными формами и системами устной словесности письменная поэзия не могла. Иначе она не стала бы нормально развиваться, ибо там, где традиции заимствуются, передаются из поколения в поколения в их неизменной форме, там нет развития, там все ограничено простой передачей из одних рук в другие. Новая абхазская поэзия, развивающаяся в процессе освоения многообразной, живой, неоконченной в своем становлении современной действительности, получив от фольклора эстетический толчок, образно говоря, начальную скорость, вскоре должна была стать на более перспективный путь поисков индивидуального стиля и художественной формы, при этом вбирая в себя живую современную речь всего народа и творчески усваивая опыт более развитых литератур"(7, p.133).

Абазинская литература, как и другие новописьменные литературы РФ, выработала индивидуальный стиль и новые художественные формы, как мы видим на примере поэмы. Но это потребовало невероятных усилий.

В настоящее время на основе динамической системы стихосложения (в своей основе единой) сложились структуры стиха силлабо-тонического типа (они тоже нуждаются в лабораторном исследовании). Это, в свою очередь, стимулировало разнообразие и богатство ритмических явлений в абазинской поэзии, которая за короткий исторический срок достигла высокого художественного уровня, освоив жанровые формы развитых литератур, искусство эстетического анализа действительности, сохраняя при этом национальную самобытность и своеобразие.

References:

1. *Aliyeva AI. National sources of creativity of A. Keshokov. Folklore role in development of literatures of the people of the USSR. M.: Science; 1975; 232.*
2. *Bakov HI. National originality and creative identity in the Adyghe poetry. Maikop.: Meota; 1994; 253.*
3. *Bekizova LA. From a folk epic to the novel: National art traditions and development of narrative genres Adyghe literatures. Cherkessk; 1974; 287.*
4. *Belinsky V G. Chosen articles. M.; 1965; 212.*
5. *History of the Soviet multinational literature: T.2: book 1. M.: Science; 1971; 510.*
6. *Sepir E. Language: Introduction in speech studying. M. – L.: Sotsekgiz; 1934; 224.*
7. *Tsvinariav L. Abkhazian versification: metrics, rhythmic, composition. Sukhumi; 350.*